

Женский терроризм в России начала XX века

Ключевые слова: Россия, начало XX в., женский терроризм, революционеры, террор

Рубеж XIX – XX вв. принес в Россию новые веяния в различных сферах общественной жизни. Одним из таких новшеств стала все возрастающая женская эмансипация, появившаяся во второй половине XIX в. В связи с этим женщины более активно начали вливаться в общественное и революционное движение. Так, по наблюдению руководства киевской политической полиции антиправительственные группы в губернии состояли в основном из еврейской молодежи, “преимущественно девиц”, бредивших террором [6, с. 153]. Подобная ситуация наблюдалась и среди оппозиционной русской эмиграции за границей. Например, в Швейцарии было очень много российских нигилистов. Значительную часть из них составляли курсистки [5, с. 10].

Наряду с мужчинами, женщины все чаще и чаще стали принимать участие и в актах революционного насилия, т. е. в терроре. И не случайно, именно женский терроризм в России начала XX в. был “одним из важнейших симптомов психопатологии тогдашнего общественного состояния” [7, с. 73]. Убийство как акт политической борьбы, политической мести постепенно становилось навязчивой идеей, захватывая не только мужчин, но и женщин. Причем это было характерно как для революционерок, выросших в обычных, средних семьях, так и для выходцев из семей аристократии.

Например, в годы первой русской революции агенты полиции смогли проследить за подозрительным человеком с огромным чемоданом. Свой багаж он оставил у одного высокопоставленного сановника, попросив передать чемодан племяннице этого аристократа. Племянницей оказалась дочь якутского вице-губернатора Татьяна Леонтьева. Полиция проверила чемодан. Он был доверху набит динамитом и частями бомб. Леонтьеву арестовали. Оказалось, что молодая девушка, которая буквально со дня на день должна была стать фрейлиной императрицы, начитавшись запрещенных книг и нахватываясь радикальных идей, собиралась воспользоваться содержимым чемодана для убийства императора. Этим она желала отомстить ему за “кровавое воскресенье”. Леонтьеву после первых допросов перевели в Петропавловскую крепость. Через несколько месяцев врачи обнаружили, что у нее началось психическое расстройство. Родители сумели добиться ее освобождения, и под предлогом помещения в лечебницу, увезли дочь в Швейцарию. Здесь Татьяна сразу же завела контакты с Борисом Савинковым, предложив ему свои услуги, чтобы побыстрее убить “кого-нибудь”. Тот посоветовал ей сначала отдохнуть. Однако молодую террористку это не устроило, и она вскоре нашла другую, более радикальную революционную группу [1, с. 14].

Следует заметить, что Т. Леонтьева все же добилась своего, приняв участие в террористической акции, которая оказалась для нее единственной. Она застрелила 70-летнего французского миллионера, ошибочно приняв его за бывшего российского министра внутренних дел П.Н. Дурново. Леонтьеву арестовали, и швейцарский суд приговорил ее к многолетнему тюремному заключению [1, с. 15].

Случай с Леонтьевой не был единственным проявлением женского стремления “к убийству во что бы то ни стало”. Так, известная революционерка Фрума Фрумкина, арестованная в Киеве за создание тайной типографии, решила убить жандармского

офицера. Она заявила, что хочет дать показания, и ее доставили в кабинет к генералу В.Д. Новицкому, тогдашнему начальнику губернского жандармского управления. Когда он склонился над бумагами, чтобы записать ее показания, она, выхватив нож, бросилась на него. Генерал сумел отбросить Фрумкину в сторону и вызвать охрану... Полицейские агенты, следившие за террористкой еще в Минске, ранее сообщали, что у нее давно появилась навязчивая идея кого-нибудь убить. После неудачного покушения на Новицкого Фрумкину сослали на поселение, но ей вскоре удалось бежать. Вновь она была задержана в Москве и опять с оружием. Ее препроводили в Бутырскую тюрьму, где ей удалось ранить начальника тюрьмы. После этого террористка в 1907 г. была казнена [3, с. 248; 6, с. 134].

Отметим, что ненависть к защитникам существующего строя и, следовательно, “врагам революции” нередко в женщинах воспитывали сами мужчины-революционеры. Так, в одном из революционных заявлений указывалось: “...на женщин и девушек обрушивается сугубое унижение; нечистые руки жандармов грубо касаются их тел, с подчеркнутым намерением надругаться над женской честью и девичьей стыдливостью” [3, с. 197].

Если жандармы действительно имели подобные “намерения” и их осуществляли, то чем объясняется то, что Ф. Фрумкина дважды (!) смогла утаить оружие от обыска в тюрьме? Следует заметить, что в действительности жандармы либо вообще не имели привычки обыскивать женщин, либо обыскивали их весьма поверхностно.

Однако случаи, когда жандармам приходилось “касаться тел” арестованных женщин все же бывали. Например, после убийства Е. Рогозинниковой в 1907 г. начальника Главного тюремного управления в его кабинете. Мало того, что террористка пронесла в кабинет оружие, но она еще и заминировала себя. К счастью, применить взрывчатку она не успела. “Разминировать” ее вызвался жандармский подполковник, бывший артиллерист. В процессе разминирования “нечистые руки жандарма” сняли с тела террористки 13 фунтов нитроглицерина с детонатором. Этого количества взрывчатки с избытком хватило бы на все здание Главного тюремного управления [4, с. 94; 7, с. 73].

Но не каждая террористка доводила “свое дело” до конца. Случалось и обратное. Так, в январе 1907 г. было подготовлено покушение на командира Гренадерского корпуса генерала Сандецкого, считавшегося грубым и требовательным начальником. К нему на прием явилась девушка. Во время беседы она нервно перебирала руками в муфте. Генерал предложил ей для удобства отложить муфту в сторону. Она отложила и расплакалась. Девушка сказала, что в муфте у нее спрятан револьвер, из которого она должна была застрелить генерала. То ли от шока, то ли из чувства благородства Сандецкий не задержал террористку, а успокоил и даже проводил до двери, не спросив даже имени [2, с. 199].

Следует заметить, что женщинам-террористкам значительно легче было совершить успешный террористический акт, чем мужчинам. Отношение тогдашнего общества к женщинам позволяло им обходить некоторые препятствия, которые были почти непроходимы для террористов-мужчин. Не случайно некоторые виды терактов можно определить как сугубо “женские”. Это убийство “с глазу на глаз”, когда террористка добивалась того, чтобы остаться наедине с жертвой на ее, часто очень хорошо охраняемой, территории. Такие покушения происходили прямо в жандармских кабинетах и помещениях тюрем. Не один террорист-мужчина не смог совершить подобного убийства. Проникнуть в кабинет офицера политического сыска через несколько уровней

охраны, неся на себе оружие и взрывчатку, было достаточно сложным делом. Однако, как показала практика, для женщин-террористок это оказалось отнюдь не невозможным.

Как правило, революционеры, решившие совершить террористический акт, были готовы к смерти, а, возможно, и сознательно стремились к ней. Во всяком случае, по словам жандармского генерала: "...все террористы умирали с большим мужеством и достоинством, особенно женщины". Так, З. Коноплянникова, убившая командира Лейб-гвардии Семеновского полка генерала Мина, шла на смерть как на праздник. Поднимаясь на эшафот, она читала стихи [1, с. 133; 7, с. 73].

Женский террор с одной стороны не давал "расслабляться" террористам-мужчинам, которые старались "не ударить лицом в грязь" перед слабым полом. С другой же стороны женские теракты были более эффективны, поскольку, как правило, совершались в тот момент, когда жертва чувствовала себя в полной безопасности.

1. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 14.
2. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 199.
3. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 248;
4. Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992. С. 94;
5. "На меня смотрят как на преступника..." Письмо великого князя Михаила Михайловича// Источник. 1999. № 2. С. 10.
6. Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 153.
7. Шур А. У террора женское лицо?// Родина . 1998. № 2. С. 73.